

Течение жизни

Константин, высокий, элегантный мужчина, авторитетный предприниматель, как говорили в те годы, легкой походкой зашел в ресторан «Тихая жизнь», что напротив круглой башни милицейского общежития. «Тихая жизнь» – странное название для ревущих девяностых... В этом ресторане часто назначались встречи с важными людьми, за «дружеским» обедом решались большие дела.

Костю ждали важняки – замгубернатора областного центра N, бледный человечек с непроницаемым лицом, и шустрый, бурно жестикулирующий олигарх. Оба крошечные, почти лысые, хоть и молодые, один – белесый, молчаливый, другой – черноволосый, не в меру говорлив. Власть и бизнес. Такие разные... С виду. На самом деле всегда вместе, не разлей вода. На самом деле – одно и то же. Две ипостаси одного. Раньше это называли – руководящая и направляющая... А сейчас? Трудно подобрать слово – элита, верхушка, избранные, сливки общества, суперэлита, истеблишмент, соль земли – ничего не подходит в точности, но понять можно – накипь такая, всплыла самозванно, прибрала к рукам рычаги общества, закрыла поры, перекрыла всем кислород – важняки, одним словом. Разные, очень разные, могут быть в конфликте, могут душить, убивать друг друга, если потребуются, если обстоятельства так сложатся, если карта ляжет... Без злобы, без ненависти – просто «бизнес», ничего личного, что тут объяснять? Потому что хорошо понимают друг друга, даже симпатизируют, потому что социально близкие... Одному делу служат...

Какому делу-то? Кому служат? Народу, наверное, стране, так говорят во всяком случае...

Тихий разговор в мрачном, затемненном интерьере.

Кроили, перекраивали собственность... Говорили о телевизионных компаниях. Без Кости в этом деле ну никак не обойтись. Костя «держал» всё телевидение города. Не владел им – именно «держал». Без него нельзя «перекраивать», тем более – деньги вытаскивать, это главное, реклама в девяностых держалась на наличке. Идеология и вещание – Константин в это не вмешивался, важнякам интересно – пусть занимаются. Власти, формальные и неформальные, «предержащие» и финансовые, уважали Константина. Помимо телевидения он контролировал рынок ритуальных услуг, был «смотрящим» по городу N от московских «дедов», имел «своих» чиновников в городской администрации и законодательном собрании; говорят – об этом, правда, шепотом – крышевал самого губернатора. Уважали. Не так, чтобы очень... Но считаться приходилось. На данном историческом этапе.

С Костей приятно иметь дело. Вежливый, корректный, одет с иголочки, ногти всегда в порядке, черные волосы и небольшие усики аккуратно подстрижены. Этаким рыцарь удачи, элита джентльменов с большой дороги, мушкетер сходняков, стрелок, наездов, разборов по распоняткам, связующее звено между блатными королями и разночинными братками без понятий. Природное умение «залечить тему», навыки и умение «держат бazaar», стремление снять проблемы без кровавых разборок. Для Константина важней всего принцип – важнее денег, влияния, власти – мушкетерская честь и красивый жест... Рассказывают, что однажды, после долгих и бесполезных «тёрок» с упрямым пацаном из конкурирующей группировки он сказал: «Ну что, мазы не будет? Тогда так... Видишь лес? Берем стволы, идем туда, ты и я, кто вернется, тот и прав». Смелый ход

и идея красивая. Понтичь тоже надо уметь. Такой вот хитроумный идальго из города N, безупречный Дон Кихот в море мутной братвы. Для замгубернатора и олигарха Константин всё равно чужой человек. Что им делать? Ребята они не брезгливые, надо же «экономику» двигать...

Важняки задержались в ресторане после ухода Константина. Может, зря мы всё это затеяли с ним? На днях губернатора сменят, решение-то уже подготовлено. Кто придет? Знаю его, мужик неплохой. Рекомендовали? Рекомендовали – те, что надо, те и рекомендовали. Новенькому сейчас правильного человека подберут. Не пойдет же тот под чужую крышу, зачем подставляться? Какого человека? Такого, чтобы наследил уже изрядно, чтобы зацепки были, чтоб убрать можно было на раз, если потребуется... Похоже, впустую потратили мы с тобой время с этим усатеньким. Да нет, может, и не зря, было бы неумно и легкомысленно... Недооценивать... Крыша все-таки... Крыша не крыша, не нашего ума дело... там всё и определяют. Может, уже определили...

Звериным своим чутьем Константин почувствовал – что-то здесь не так, по спине пробежал предательский холодок. Обсуждать-то обсуждали, даже договорились о чем-то, да будто не всерьез. Так, чтобы галочку поставить. Навел справки у нужных людей и отправился к «своим». «Бригадиров» нашел в бане. Кого-то в купели с голыми телками, кого-то – у стола, тоже с телками полуголыми. Стол ломился от водки и закуски. Всё как в тумане, свет притушен. Бело-розовые качки уже лыка не вяжут – неплохо, видно, погуляли.

«Разве можно на таких положиться? – с тоской думал Константин. – Сколько знаю – всё у них одно и то же. Водка, бабы, чтобы помясистей да потолще... бои без правил, зелени побольше, Тахо и дом понтовый, чтобы поближе к даче губера – вот предел их мечтаний».

Тоска сменилась раздражением. «Как были фуфелами, кидалами на авторынке... “Выросли” аж до рэкетиров, ух ты, ах ты... И теперь – то же самое. Их потолок. С гопоты что возьмешь? Суета сует, а остальное? – Всё суета. Пора бы, наверное, тебе, Константин, душой к богу повернуться».

– Пацаны, найдите Кувалду, перетереть надо кое-что без свидетелей.

Приволокли Савелия. Кличку Кувалда он получил за могучее телосложение и несоразмерно большую голову, глаза навывкате, сам в полубезумном состоянии, с трудом удалось привести его в чувство.

– Очнись, Савелий. Ситуация непростая, будет новый губер, чья креатура – не знаю. Да что я тебе говорю? Креатура... Чего глазами хлопаешь, пиндос, тебе бы только телок натягивать и водку жрать... Слушай сюда. В Москву еду – с Дедом советоваться. Будешь пока смотрящим... Оставляю пакет на хранение, лимон зелеными.

Прошло несколько дней. «Ниссан» цвета мокрого асфальта тихими московскими улочками пробирался в сторону аэропорта. В автомобиле помимо водителя – Константин с подругой и охранником. Непонятно, почему осторожный Константин в этот раз был не на бронированном автомобиле... Депрессняк, потеря бдительности? Возможно, не хотел привлекать внимания. Константин сам себя пытается уговорить, что всё в порядке.

Дед уверяет: у него всё схвачено. Новенького знает, поговорил уже с ним, с людьми, которые его протолкнули, – тоже. Непростые, конечно, люди. Новенький, как заступит, будет работать со всеми, меня не тронет. Дает, блин, гарантии. А еще – останусь положенцем и смотрящим при «дедах». Думал, Дед – слабак, даром что коронованный. А он, смотри ты... Мои-то не кинут, Кувалда, хоть и бычара тупой, но не сдаст. Кишка у него тонка... Против меня идти. Хотя лимон зеленых... не хухры-мухры.

Бабье лето, тепло и сыро. Непокойно на душе у Константина, мерзко – кошки скребут, и тучи свинцовые собираются. Знобит. А на месте оранжево-красных кленовых листьев видятся движущиеся черные контуры – откуда днем взялись летучие мыши, да еще такие большие? Надо бы жизнь круто поменять, пора уходить от этого. Часовню построю где-нибудь. Сделаю объяву на сходняке. Легализуюсь... Вот вам лимон, берите. У Кости и без этого хватает. Шуруйте без меня, братаны. Не держите зла на «Костю-телевизионщика».

Водителю пришлось притормозить в темном переулке возле здания представительства ООН, где дорога делает крутой поворот в сторону Воронцова Поля. Едва машина замедлила ход, по пандусу со двора брошенного Института питания скатился мотоцикл с двумя седоками в черных шлемах. Мотоцикл поравнялся с «Ниссаном», седоки неожиданно выхватили укороченные «калаши», открыли шквальный огонь. Константин сумел-таки боковым зрением заметить АК. Испуганно взвизгнула мысль: «Кто-теперь-построит-мою-часовню?» Столкнул подругу в просвет между сиденьями и закрыл своим телом. Мотоциклисты буквально изрешетили автомобиль, бросили автоматы с пустыми рожками и с ревом умчались в сторону Подсосенского переуллка. Прохожий, выгуливавший собаку на обочине дороги, едва успел отскочить от мчавшегося на него мотоцикла... Обычный человек с черным псом, привратник ада...

Когда появились милиция и скорая, всё было конечно: из продырявленной машины извлекли трупы мужчин и истекавшую кровью женщину в шоковом состоянии. Красивая киношно-гангстерская сцена из американского боевика, профессиональные исполнители в черных шлемах, эффектный финал для благородного джентльмена удачи.

Введенный в Центральном округе Москвы план перехвата результатов не дал. Преступники бросили мотоцикл и скрылись. Криминалистам осталось лишь собрать гильзы и прихватить брошенные «калаши». Позже экспертиза установила, что эти автоматы раньше нигде не «светились».

Прошло еще несколько дней. Замгубернатора и шустрый олигарх опять встречались в «Тихой жизни», на этот раз уже с другим авторитетным предпринимателем, которому на время была дана возможность легализоваться, город дал «добро». Проблем телевидения не обсуждали, с телевидением всё теперь ясно. Решались вопросы морского порта и сети автозаправок. Дело – прежде всего, надо «экономику» двигать. Служить народу, стране...

Савелий по кличке Кувалда опять развлекался с друзьями в бане. «Меня нет и не будет», – громко сказал Савелий, когда зазвонил его мобильник. Кто-то из дружка-нов все-таки взял трубку и ответил. «Это из Москвы, Дед, собственной персоной». «Глазами хлопаешь... Что-то не понял, пиндос? Очнись, тебе только бы телок натягивать и водку жрать, Кувалды нет и не будет! Ни для кого. Налей-ка моей пацанке...» «Но...» «Никаких но! Те не хватает чего-то? Водка, бабы, бабло, бои без правил, Тахо и дом понтовый рядом с губером... Всё у тебя есть!» «Да ладно, Сава, я так... Дед просил передать: новенький тобой доволен».

Зашитые

Владимир Иванович Меклин весьма трепетно относился к своему здоровью, в особенности – к состоянию зубов. К своим пятидесяти восьми он сохранил собствен-

ные зубы, но один из них был на грани – качался, несколько сколов, пломба выпала, эмаль потемнела, врач из районной поликлиники заявил, что лечить бесполезно, и рекомендовал его решительное удаление.

Зубы следует удалять осенью, чтобы ни о чем не жалеть. Осенью всё умирает или с жизнью прощается.

Первое удаление – Владимир Иванович посчитал, что этому мероприятию следует уделить самое серьезное внимание. Он обратился к своему соученику по институту Бобу Стоцкому. Боб старше его на два года, поменял на импланты зубы обеих челюстей, да и вообще по жизни очень опытный и весьма пронырливый, попадал в сотни переделок и в конце концов всегда выходил сухим из воды.

– Вырвать зуб – дело несложное! Смотри только, Володька, чтобы инфекция не распространилась потом на всё остальное, – авторитетно заявил ему Боб, сверкнув идеальными керамическими зубами. – Вырвешь один, а потеряешь сразу все.

Владимир Иванович представил себя беззубым – впалые щеки, розовые десны – и загрустил.

– Я лечусь в поликлинике при Первом меде, – ответил ему Меклин. – К тому же Абрам Семёнович, сам знаешь: евреи – врачи от бога!

– Если Абрам Соломонович такой чудный врач, почему он не смог сохранить твой зуб? Почему зуб стал шататься? Почему нельзя было поставить новую пломбу? Во что это тебе обходится? Бесплатно? Ну, мой друг, не хочу тебя обидеть, но ты не настолько богат, чтобы лечить зубы в дешевой поликлинике.

Зубы кому хочешь испортят настроение. Слово «стоматология» вызвало в памяти поликлинику в Удельной, где он лечился школьником, папа покупал ему коржик с орешками, который можно быть съест только через два часа.

– Я ходил на консультацию в дорожную стоматологию – «Шмеди» на Невском – и попал к самому Бадри Пчелидзе, он тоже сказал: «Надо рвать!»

– Ну так иди к Чхеидзе!

– К Пчелидзе... Он мне не понравился: всё время рассказывал, как ему важно сбросить сорок кило и сколько времени проводит в тренажерном зале... И руки у него мохнатые, а пальцы толстые, как сосиски...

– Во-во! Знаю я Чхеидзе: из-за этого спортзала у него руки дрожат и в глазах двоится. А может, не от спортзала, а от чего другого? Дело серьезное – не надо бы тебе идти таким путем. У меня тоже всё начиналось с самого первого зуба, и вот, видишь, каков результат!

Чернышевский нервно перевернулся в гробу.

– Что же мне делать? – растерянно спросил Владимир Иванович.

– Могу рекомендовать хороший кабинет. Там работают свои люди, у них особые отношения с клиентами. И, кстати, там очень недорого.

– Скажи название, я по инету посмотрю условия, тарифы, а заодно и отзывы посетителей.

– Ничего не получится, – ответил Боб. – Их нет в справочниках и поисковиках. Принимают только по личным рекомендациям. Что, я не могу помочь однокашнику? Вот телефон – запишись на прием, скажи, от Бориса Ильича: Стоцкого все знают.

Зубы – дело тонкое!

Октябрьским утром, проведя в душевной электричке три с половиной часа, Владимир Иванович сошел в Тихвине – старинном провинциальном городке, в котором и располагалась эта таинственная стоматологическая клиника без названия. Он надеялся, что здесь работают первоклассные специалисты, иначе Стоцкий не рекомендовал бы.

Меклин чувствовал легкое волнение, першение в горле и даже озноб. Он издали увидел клинику – узнал по фотографии, которую дал Стоцкий: широкая лестница крыльца, перила – металл со стеклом, по бокам – пандусы для въезда инвалидов и современные светильники, справа и слева от входа – зеленые стенки из аккуратно подрезанных туй.

Дорога к клинике была в идеальном состоянии, газон подстрижен, оградки цветников свежеекрашены, а скамейки отполированы и пропитаны морилкой под красное дерево.

На скамьях сидели люди разного возраста, выражение их лиц было безмятежным. Единственное, что удивило Владимира Ивановича: эти то ли отдыхающие, то ли посетители были абсолютно неподвижны.

Меклин подошел к одному из них, прислушался – дыхания не слышно. Поднес мобильник к лицу сидящего – на стекле дисплея выступила едва заметная испарина, вроде не дышит, но все-таки еще живой, кажется!

В другой ситуации Владимир Иванович искренне удивился бы и стал искать объяснение этому странному явлению, но сейчас ему было не до этого. Сейчас он должен оставаться в отличной форме и быть очень внимателен, чтобы не допустить какого-то неверного решения и не позволить персоналу клиники совершить не санкционированные им действия.

У самой лестницы – мужчина в плаще, он только что сошел на тротуар, приподнял ногу, чтобы сделать следующий шаг; наклонив голову, внимательно вглядывался в то место, куда должна была встать его нога, и почему-то неподвижно застыл в этой неудобной позе.

«К черту, к черту! Они специально отвлекают меня от важного дела. Тот тип на скамейке явно жив, значит, и с этим всё в порядке. Я – сильный, молодежавый, спортив-

ный, меня так просто с толку не собьешь», – подумал Владимир Иванович и легко взбежал по ступенькам крыльца.

На ресепшне его приняла очаровательная молодая женщина в халате, аккуратно облежавшем ее прелести, заполнила необходимые документы и предложила подождать – врач скоро освободится и примет его.

Приемная клиники ему понравилась: светлая современная мебель, чистенькие обои, деревянные кресла с пестрой обивкой. Из окна открывался вид на один из живописных уголков города. Всё здесь дышало гостеприимством, внушало спокойствие и вселяло надежду на будущую счастливую жизнь.

Меклин сел в мягкое кресло, молоденькая медсестра подбежала и включила ему стоящий рядом торшер. Владимир Иванович принялся читать привезенную с собой книгу «Молчание ягнят».

Со страницы на него зловеще смотрел доктор Лектер. Вскоре его пригласили в кабинет. Врач-хирург тоже ему понравился: веселый, кругленький, с крепкими руками, он производил впечатление душевно и физически необыкновенно здорового человека. Такой же кругленькой и милой была его ассистентка.

– Операция несложная, – объяснял врач, – делается под местным наркозом, но, чтобы инфекция не распространилась по всей полости рта и вы не потеряли остальные зубы, необходимо тщательно отработать все этапы. Откройте рот, ассистент будет следить, чтобы в операционной сфере не скапливались нежелательные жидкости, а я сделаю анестезирующие уколы. И чтобы вы понимали, какие действия будут производиться в полости вашего рта, я стану всё рассказывать вам самым подробным образом. Если я задам вопрос и вы захотите ответить утвердительно, кивните, если отрицательно – поверните голову вправо-влево. Согласны? Вот и отлично! Я вижу,

вы очень терпеливый и, самое главное, позитивно настроенный молодой человек... Вам не нравится, что вас называют молодым человеком? Моложавый – так устроит? Прекрасно, всё очень даже хорошо.

Всё шло по плану, зуб был удален, продемонстрирован пациенту, кровотечение было совсем слабеньким и быстро остановлено, и вскоре хирург приступил к зашиванию десны; доктор коlobком катился по кабинету.

– Операция близится к завершению, – говорил врач, орудуя щипчиками и иглой с растворимой нитью. – Мне захотелось предложить нашему очаровательному пациенту одну необычную процедуру. В распоряжении клиники оказался новейший американский препарат, который дает полную гарантию, что инфекция из ранки на месте удаленного зуба будет надежно купирована и никуда не распространится. Вы совсем не обязаны соглашаться, у вас и так всё хорошо, и, скорее всего, у вас и без этого ротик будет в полном порядке. Скорее всего... Но именно этот препарат дает нам с вами СТОПРОЦЕНТНУЮ гарантию. Мы никому это средство не предлагаем, но именно к вам мы с ассистенткой прониклись такой огромной симпатией, – и он подмигнул своей помощнице. – Обычно этот препарат используется только для сотрудников нашей клиники, а мы предлагаем его вам. Нет-нет, это ничего, ровно ничего не будет вам стоить. Вы просто нам симпатичны. Укол вы тоже не почувствуете, потому что сейчас вы под анестезией. Если согласны, кивните головой. Я не сомневался: такой образованный и дальновидный мужчина обязательно примет столь заманчивое предложение. Это ведь замечательная страховка от возможных неприятностей. Вот так, теперь всё в полном порядке.

Врач выпрямился, торжествующе посмотрел по сторонам и заботливо наклонился к пациенту.

– Теперь я должен вам кое-что объяснить. Этот препарат дает эффект только в случае, если он не будет контактировать с наружным воздухом. Три часа надо держать закрытым рот, и никакого наружного воздуха – дышать только через нос. Я вас предупреждал об этом, чего же вы теперь возмущаетесь? Вот она, мой ассистент, – свидетель того, что вас предупредили и вы дали свое положительное согласие. Хорошо, я вас преотлично понял, Владимир Иванович, не надо ничего объяснять мне и закройте рот. Впрочем, как хотите, можете дышать хоть носом, хоть ртом, но я как профессионал – у нас ведь профессиональная клиника, а не шараш-монтаж или забегаловка какая-нибудь – просто обязан вас предупредить: в случае контакта препарата с воздухом очень вероятен некроз тканей. Нет-нет, не только десен, но и костных тканей челюстей. Вам нужна операция по частичному удалению костных тканей обеих челюстей? Нет, не нужна, вот и не открывайте больше рот. Послушайте, здесь всё делается для вашего же блага. Конечно, вы можете потерпеть и не дышать ртом. Но если вы вдруг случайно заговорите – с билетером в кассе вокзала или еще с кем-то... Будьте благо-разумны – давайте сделаем всё, что положено делать в подобных случаях. ПОЛОЖЕНО! Зашьем вам рот на три часа. Ничего страшного – вы отдохнете на скамейке в этом красивом скверике, а потом мы удалим нитки швов. Во-первых, это не больно, во-вторых, мы зашьем так, чтобы нитки были изнутри, их никто не увидит. Ну, вы согласны? Так хорошо начинали, а теперь зачем-то кочевряжитесь и создаете проблемы в нашей общей работе. Ну, вы согласны? Кивните головой. Да, это немного сложнее, чем нам с вами представлялось вначале, но зато полная гарантия. Вы еще смеяться будете над своими страхами.

Молодец! Я с первого взгляда понял, что вы прогрессивный, свободно мыслящий, современный человек. Вот так, мы с вами заканчиваем. Посидите в кресле минутку. Я знаю, что вас беспокоит: сможете ли вы дышать носом? Вот уж из-за этого совсем не стоит волноваться! Никакой насморк, никакие слизистые выделения не помешают вам дышать. Дело в том, что чудесный препарат, который мы вам – заметьте, с вашего согласия – ввели, резко замедляет метаболизм. Пока инъекция действует, вашему организму потребуется в миллионы раз меньше воздуха, соответственно, и все ваши процессы купируются и сопутствующие им биологические выделения сокращаются в миллионы раз, практически останавливаются.

У Владимира Ивановича выступили слезы.

Ассистентка, видимо, вспомнила о каких-то важных обстоятельствах, отвела веселого доктора в сторону и стала что-то шептать ему на ухо. Тот внезапно рассердился и покраснел:

– Не надо мне подсказывать, что делать дальше. Яйцо вздумало учить курицу! – очень строго ответил колобок помощнице, но когда он вернулся к пациенту, на его лице вновь была маска любезности и доброты:

– Ну что же, дорогой Владимир Иванович. Мне кажется, вы вполне уже адаптировались к новой для вас ситуации и готовы получить достоверную информацию о том, что в действительности с вами сейчас происходит. Но чтобы вы могли правильно оценить эту информацию и не навредить ни себе, ни нашей клинике, где, как вы видите, установлено самое дорогое и самое современное оборудование, нам придется принять некоторые превентивные меры.

Он сделал незаметный знак помощнице, и та ловко пристегнула специальными ремнями предплечья Меклина к подлокотникам кресла.

Не зря Лектер так свирепо смотрел на него.

– Не дергайтесь, Владимир Иванович, и не возмущайтесь – только самому себе и навредите. Всё, что здесь делается, делается только ради вашего блага. Мы с вами отлично сработали, и это гарантирует нам идеальный конечный результат. Я знаю, вы меня слышите. Мы обязаны вас проинформировать, что в ближайшее время вы испытаете очень глубокий очищающий сон. И во время этого сна в ваш организм вообще не должен поступать кислород через органы дыхания. Последствия я вам рассказал – последствия могут быть ужасны! Я понимаю, вы чрезвычайно обеспокоены и расстроены таким неожиданным поворотом событий, но, поверьте мне, через этот кабинет и это кресло проходили уже тысячи пациентов. Всё у вас будет преотлично. Нам необходимо защитить ваши ноздри, чтобы через них не поступал воздух. Нет-нет, кислород вам всё равно нужен. Но уже в столь малых дозах, которые вам вполне обеспечит кожное дыхание – да-да, у нас с вами есть кожное дыхание. Я знаю, вам трудно принять подобное решение, но, поверьте, мы с вами зашли столь далеко, что обратной дороги нет. Нам предстоит сделать еще один совсем маленький шаг, и тогда будет виден свет в конце тоннеля. Ну, соглашайтесь же. Молодец, молодец, мы гордимся вами. Вот я сейчас косметически безупречно зашью ваши ноздри, потом вам нужно будет подписать бумагу о том, что всё, что было сделано здесь, персонал клиники осуществил с вашего согласия.

Сволочь Стоцкий!

Врач закончил свою работу, ассистентка освободила руки Владимира Ивановича. Его движения становились все более медленными. Он этого не понимал: ему казалось, что доктор и его ассистентка катались быстрее и быстрее – мысль и внимание Меклина не успевали за-

фиксировать их положение в пространстве, а движения смазывались. Владимиру Ивановичу дали договор, ручку, он помнил о своем обещании что-то подписать. Меклин – человек слова, раз обещал – значит, подпишет, не станет же он подводить этих милых людей! Доктор с ассистенткой с трудом дождались – прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем из-под пера пациента появились три первые закорючки.

– Всё, этого достаточно, – резко сказал доктор и вытер платком вспотевший лоб, ассистентка буквально вырвала авторучку и договор из пальцев Меклина.

Владимир Иванович внимательно осматривал свою руку. Он помнил: только что в его руке была авторучка, а теперь она неожиданно исчезла. Надо уходить отсюда. Меклин стал подниматься, чтобы покинуть кресло. На лице его застыло выражение одеревеневшего удивления.

– Он что, очнется через три часа? – спросила помощница, обращаясь к доктору.

– Не говори глупостей. Разве стали бы мы возиться с ним из-за трех часов? Я ввел нормативно рекомендованную порцию, которая исключает индивида из общества, но без зверств, без фанатизма и без кровопролития!

– Жаль его, такой симпатичный человек, – пролепетала женщина.

– Мне кажется, мы поступаем с ним и ему подобными более чем гуманно. Его внутренние часы будут идти всё медленнее и медленнее – в отличие от нас с тобой, он сумеет увидеть будущее. Кстати, пока часы этого человека еще хоть как-то тикают, давай-ка проведем его в сквер и усадим на скамейку. Возможно, со временем он сам уйдет, но на это потребуются месяцы, а возможно, и годы.

Колобки покатались по кабинету. Владимир Иванович улыбался, как в детстве, вспоминая коржики с орехами и папу...

Врач шагнул в полумрак кабинета. Лица сидящего за столом не разглядеть, но хирург-стоматолог хорошо знал этого человека.

– Давно не виделись, док, – услышал он мягкий задушевный голос. – Ты неплохо выглядишь, посвежел, помолодел. Что за книжка с тобой?

– «Молчание ягнят», взял у знакомого.

– «Молчание ягнят» – ну-ну, правильное название! Впрочем, не хочу тебя надолго задерживать – давай-ка сразу к делам. В начале следующего года будут выборы, к этому времени следует вывести из обращения пятьдесят процентов населения республики. Надо поднажать, мой друг.

– Не ко мне вопрос: задержка за вашими Стоцкими.

– А инициатива? Где она? Дай объявление в Сети, размести отзывы благодарных пациентов...

– Сами говорили: работать скрытно, клиентуру принимать только по рекомендации.

– Много говорить стал. Не забывай: несешь личную ответственность. Дело прежде всего, уж ты постарайся! После выборов всё пойдет веселее: ненужные биологические единицы будем выводить из обращения простым решением трех правоохранителей – без согласия пациента и без канители с подписанием договоров. Так что давай! А станешь плохо работать, сам знаешь, что будет – придется и тебя зашивать.

В этом кабинете шутить не любили.

Последняя схватка

Король понял, что жизнь клонится к закату, – старый лев решил покинуть прайд.

Казалось бы, у царя зверей не было причин сомневаться в своей силе и власти. Его бесчисленные потомки и сей-

час еще держали в страхе обитателей степей севернее Сахары и лесов на подступах к Атласским горам. Пищи им хватало: на ступенчатых плато Северной Африки водится немало кабанов, оленей и степных антилоп-бубалов.

Кто может сравниться размерами и силой с великим львом – возможно, единственным берберийским львом, сохранившимся в Африке?

От его ночного рева в ужасе просыпались жители окрестных деревень. Огромная, черная косматая грива, отрастающая у таких львов из-за избытка гормона ярости, вызывала страх у молодых самцов, блуждающих по пустыне в поисках добычи и самок, и в схватке была непреодолимым препятствием для их молодых клыков и когтей. Кто мог бы сравниться с самим королем? Разве что его собственные братья и сестры – какие они были красавцы! Живы ли они? Мы-то с вами знаем: многих из них отловили и содержат в зоопарках марокканского короля Хасана II и эфиопского императора Хайле Селасие I. Но есть ли еще на свободе дикие берберийские львы, кроме этого последнего потрясающего самца, неизвестно.

Превратности судьбы не вызывают у немало повидавшего благородного животного ничего, кроме презрения. Чем можно удивить короля прерий, достигшего высшего уровня звериного величия? Что нового, неизвестного для себя, может он сотворить в этой жизни? Прогнать очередного поверженного молодого льва, сорок раз за день покрыть еще одну молодую львицу, сломать хребет очередной самоуверенной и отвратительной гиене?

Семейные радости – рождение малышей, их писк и возня – не особенно радовали его и тогда, когда он был еще совсем молод, когда только сверг прежнего властелина и осваивал роль главного самца прайда.

Не особенно увлекала его и коллективная охота. Здесь все определяли ловкие добытчицы, быстрые и беспощад-

ные львицы его семейства, а им помогали набирающие силу молодые львы. Не царское это дело – выслеживать, окружать, догонять и убивать жертву. Как только лев стал правителем, он лишь издали следил за действиями семьи на охоте и в дальнейшем приближал к себе, отмечал своим особым благоволением наиболее отличившихся ее членов. Когда-то в этих краях близ Агадира или Марракеша во множестве встречались буйволы, жирафы и даже карфагенские слоны, их и сейчас можно иногда встретить. Его львицы с помощью молодняка могли завалить даже таких гигантов звериного мира. Они брали на себя все труды и риски, проявляя чудеса отваги, ведь многие из них во время охоты получали увечья и даже гибли от ударов этих могучих животных. Сам же он приближался к добыче, лишь когда дело было сделано. Подходил не торопясь, члены семейства разбежались, и он получал свою львиную долю. Остальным разрешалось приступить к пиршеству лишь после того, как повелитель заканчивал трапезу и уходил в сторону.

Король владел здесь всем и вся, отгонял молодых львов, пришедших со стороны и посягающих на его место в прайде. Он защищал самок и молодняк от нападения шакалов, гиен или леопардов и уступал дорогу только стаду слонов, если те пересекали место их отдыха. И пока это у него прекрасно получалось.

Но прошло много ночей и лун, и он почувствовал усталость. Самки, которые борются за место первой львицы. Беспокойные и похотливые львята, которые постоянно путаются под ногами. А надменный двухлетний молодняк, у которого уже прорастают гривы, – они уверены, что весь мир и все самки существуют только для них. Таких следует вовремя изгонять из семьи...

Уходите из прайда, ищите новые семьи и доказывайте там свое право стать вожаками. Сколько раз он всё это уже проделывал!

Теперь бывший король уверен, что покинул стаю по собственному почину. Он достиг такого уровня звериной царственности и достоинства, что может позволить себе жить один. Ему кажется, что теперь он будет по-настоящему счастлив и свободен. Но отчего так беспокойно рыщет он среди чахлого сухого кустарника? Почему столь часто озирается по сторонам и принюхивается? Что беспокоит его? Какие неясные звериные воспоминания теснятся в его огромной королевской голове и мучают его? Почему он оставил без присмотра свой прайд? Почему нарушает гармонию и симметрию природы и бродит теперь один в этих диких прериях, где законом свыше предусмотрено обязательное «каждой твари по паре»?

Нет, он ушел не из высших соображений – какие особые соображения доступны зверю, рожденному убивать? Всегда при нем всё, что льву нужно для жизни: хитрость, ловкость, изворотливость, отточенные навыки охотника, грубая и неокрушимая сила, безжалостность, инстинкт властителя...

Королю не хочется признаться самому себе, что его просто выгнали из прайда. Он всем опостылел своим бездельем и претензиями на безоговорочное господство. Молодые львы сами уже в состоянии отогнать пришельцев, защитить молодняк от нападений леопарда или гиен. Зачем им нахлебник весом почти двести пятьдесят килограмм? Молодняк дружно отогнал короля от убитого бубала, а львицы не стали вмешиваться – возможно, они привыкли к нему, а привычка убивает страх. Это продолжалось уже несколько дней, его не раз оттесняли от добычи и допускали поесть чуть ли не в последнюю очередь. Вот и пришлось оставить свой прайд, бросить его на произвол судьбы без доминантного самца.

Наступил вечер, надо бы поесть, но вокруг не видно живности, – ни антилопы, ни даже мангуст – одни кусты и термитники.

Он бродит в одиночестве три дня без еды и каждый день теряет в весе десять килограммов, становясь всё слабее и слабее.

Солнце садится, и тень одиноко бредущего льва удлиняется. Зверь смотрит на свою тень, и ощущение собственной никчемности и неприкаянности на время оставляет его. Лев думает, какой он все еще огромный и мощный и что нет в природе другого такого величественного и могучего льва. Да нет, бывший король уже не столь велик и силен как раньше – возраст, голод и одиночество делают свое дело. Тем не менее он еще производит впечатление монументального и царственного зверя и выглядит владыкой прерий, в котором воплотился неукротимый дух дикой природы и таинственная магия доисторической тьмы, праматери нашего мира.

В этот вечер льву повезло – он встретил одинокого бородавочника, самца дикой африканской свиньи, одного из самых безобразных существ в мире. С возрастом у бородавочника выросли огромные устрашающие клыки, на морде вздулись четыре бородавки, а за головой поднялась надменная холка, покрытая жесткой щетиной.

Почему он был один? Возможно, искал убежище на ночь, бежал, чтобы до темноты спрятаться в термитнике, в норе трубказуба или дикобраза. На этот раз бородавочник не успел добраться до укрытия и стал добычей.

Только бербериец приступил к трапезе, как невдалеке появилось незнакомое чудовище. Оно не бежало, но и не ползло, двигалось как-то странно и негромко порывивало – тем не менее в этом незнакомом порывивании-урчании не чувствовалось угрозы. Чудище – размером побольше буйвола – двигалось как раз к месту трапезы льва. Король поднялся, явно не собираясь уступать добычу чужаку.

Мой спутник притормозил, развернул автомобиль так, чтобы нам хорошо были видны лев и его жертва.

– Не понял, зачем мы остановились? – спросил я. – Это ведь просто лев, решил поужинать бородавочником. Мы только что видели в ложбинке целый прайд таких львов, ты еще не посмотрелся?

– Нет, не просто лев, – ответил он. – Это берберийский лев. Считается, что их еще римляне истребили, выпуская на арену для схваток с туранскими тиграми. Посмотри, какой громадный. Он старый и скоро умрет. Давай подстрелим его, привезем домой красивую шкуру.

– Не надо, пусть живет.

Урчание прекратилось, чудовище не подавало признаков жизни.

Бывший король решил продолжить трапезу, но в это время откуда-то со стороны гор до него донесся рык льва, – вначале одного, потом другого – по протяжности и силе можно было определить, что пришельцы – молодые и сильные самцы.

В угасающем свете проступала темная широкая полоса – как раз в том месте, где смыкались небо и земля. Там, во влажном оазисе, расположилось всё его семейство – львицы с малышами и нагловатые недоростки с зачатками гривы. Лев всё время наблюдал за ними, стараясь оставаться незамеченным. Это, наверное, недостойно бывшего короля великого прайда, но он испытывал явное удовольствие, обнюхивая следы и сломанные ветки, узнавая, кто здесь был, с кем подрался или что другое приключилось. Отверженный лев пока не научился жить в одиночку. Дурное предчувствие шевельнулось в душе изгоя. Рано они его выгнали. Вон идут голодные до наживы и самок молодые львы. Кто защитит семью от чужаков?

Лев знал, что, если придут новые хозяева прайда, львята и молодые львы будут убиты и съедены захватчиками. Для них только он – единственная надежда на спасение.

Да, этот лев – выходец из доисторической тьмы нашего мира, воплощенный дух жестокой пустыни. И всё же кто-то вдохнул в него маленький кусочек души и света, и теперь волею небес внутри страшной машины, идеально приспособленной для убийства, трепещет что-то, немного напоминающее любящее сердце, которое учащенно забилося, едва лев услышал рык пришельцев и понял, что его прайду грозит смертельная опасность.

Король вспомнил прежние битвы и победы, гормон ярости ударил ему в голову, решение принять бой пришло мгновенно. Над уступами степного плоскогорья пронесся могучий рев царя зверей.

– Смотри, разбойники приближаются, – сказал мой спутник. – Их двое, берберийцу не устоять, ему суждено погибнуть. Давай застрелим этих неофитов или попробуем отпугнуть выстрелами.

– Не вмешивайся, прошу тебя. Сражение и гибель – счастье и предназначение старого воина. Пусть произойдет то, что им всем на роду написано.

В борьбе за прайд львы часто ограничиваются конкурсом голосов и взаимным запугиванием. Они предпочитают не вступать в схватку, понимают, что от полученных ран обеим сторонам – победителям и побежденному – суждено умереть, кому-то раньше, кому-то позже.

Теперь он один, и это конец. Помощь не придет – ни от семейства, ни с пустого неба, ни из неприступных термитников. Но бербериец не уступит пришельцам, он примет бой.

Душераздирающий рев разносился на десять и более километров и продолжался несколько часов. Пустыня не могла уснуть. Ее обитатели – и прайд львов, и семья бородавочников, и вышедшие на промысел трубкузубы с дикобразами, и стада антилоп и оленей, и гиены с шакалами, и жители ближайших деревень, и мы, случайные свидетели этой битвы, – все ждали завершения сражения.

Львы бились не из-за бородавочника, они бились за продолжение своего рода, сражались, не обращая внимания на присутствие машины и людей. Мы видели и слышали, как сшибались друг с другом и ударялись о землю могучие тела повелителей африканских пустошей. Наконец челюсти одного из пришельцев сомкнулись на позвоночнике берберийца и оторвали позвонки друг от друга, раздался громкий щелчок – бывший король взорвался ревом ярости и отчаяния. Ноги его обездвижили, но когти передних лап и зубы продолжали по инерции рвать плоть противника. Движения его становились все медленнее, а рев тише.

И пока из темных пещер Заката не пришли еще драконы ночи, мы разглядели в сумерках, как черногривый лев повернул окровавленную морду к узкой красной полоске солнца. Его противники, словно поняв важность момента, умолкли, и вокруг разлилось беспредельное спокойствие. Бывшему королю показалось, что он видит незнакомый, покрытый вечными снегами горный массив. Почти у самой вершины одного из пиков лежал мерзлый труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте? Он увидел трех громадных птиц, раскорячившихся на земле, а в небе парило еще несколько, отбрасывая вниз быстро скользящие тени, – верный признак, что где-то вот-вот появится теплая, свежая добыча.

Вечерний ветерок донес до старого короля ворчание и рык его свободных и счастливых сородичей, нашедших приют во влажной ложбине. Ему туда уже не успеть – вот-вот опустится занавес. Лев взглянул в последний раз на солнце – нет, его не волновали эти багровые лучи. Он хотел лишь призвать солнце свидетелем того, что король прайда сделал всё, чтобы защитить своих самок и львят. Он уходит, но обескровленным и искалеченным пришельцам не стать уже властелинами прайда – его львицы не примут слабаков.

– Ну вот, – сказал я своему спутнику. – Теперь тыполнишь свою коллекцию редкой шкурой, не убивая здорового зверя. А если немного подождем, то получим еще две шкуры этих неразумных пришельцев.

Мой товарищ не нашел слов для ответа. Смерть Короля не бизнес-проект.

Лев лежал на боку, закрыв глаза и вытянув ноги. Его противники с трудом поднимались.

Зажигались первые звезды. Мы услышали предсмертные звуки берберийского льва – невнятное бормотание и клокотание крови в горле. Больше мы ничего не увидели. Возможно, какой-то крошечный кусочек духа и отлетел к небесам, но мы, совсем невоцерковленные и абсолютно не просветленные, никак не могли этого заметить.

Существовал ли в пылом сердце льва тот самый крошечный кусочек духа? Святитель Лука, в миру Валентин Войно-Ясенецкий, должно быть знающий в этом толк, утверждал, что не только человек наследует бессмертие, что «всякая тварь совокупно стенает и мучится доньне, с надеждою ожидая откровения сынов Божиих, и будет ей цельно и гармонично в будущем новом мироздании, ибо жизнь вечная для низкой твари станет лишь тихой радостью в наслаждении новой светозарной природой и в общении с человеком, который уже не будет мучить и истреблять ее». Ну а мудрейший Иероним, который допускал начатки души у слонов, у некоторых домашних животных и даже у отдельных видов птиц, о львах – и в особенности о берберийских – ничего такого не говорил, хотя в западноевропейской традиции его почему-то принято изображать странствующим по Халкидской пустыне именно в сопровождении льва.

Интересно, кто из них был ближе к истине?

А с другой стороны, так ли это важно? И разве эти европейские праведники могли хоть что-то знать о великих берберийских львах, живших когда-то в Африке?